Коммунизм

7 октября 1961 года строители сдали Государственной комиссии Кремлевский дворец съездов, а уже 17 октября в его пятидесяти тысячном зале открылся XXII съезд Коммунистической партии. На нем отцу предстояло доложить об очередной программе партии, программе построения коммунизма, построения общества всеобщего изобилия, рая на земле, где все получают по потребностям, а работать станут по ими самими определяемым возможностям. Коммунизм, как и рай, представлялся каждому по-своему, и весьма расплывчато, но пожить в нем хотелось всем.

Исполнением этой программы Коммунистическая партия свое предназначение, по всей видимости, исчерпывала, ибо о необходимости партии в посткоммунистическом обществе основоположники не упоминали.

Начну с истории. Первая программа партии, тогда еще РСДРП, звала к революции. В 1917 году революция победила, и большевики приняли вторую программу – строительства социализма. К концу 1930-х годов ее выполнили, социализм, в том виде, как его понимали они сами, в основном построили.

8 1939 году на XVIII съезде партии Сталин заговорил о новой, третьей программе партии, определявшей путь к коммунизму. Создали комиссию во главе с ним самим. Но тут грянула война, стало не до коммунизма. Сразу после победы, в 1946 году, комиссия по подготовке построения коммунизма возобновила работу, но теперь уже во главе с Андреем Александровичем Ждановым, он тогда ходил у Сталина в фаворитах. Одновременно Госплан верстал план развития экономики до 1965 года, решавший «практическую задачу преобразования социализма в коммунизм». К 1948 году комиссия кое-что наработала, на строительство коммунизма отводилось двадцать лет. Его пришествие наметили на 1965 год.

Однако «прославиться» Жданову не довелось, помешала холодная война, все средства бросили на разработку атомной бомбы. Затем Сталин увлекся борьбой с «безродным космополитизмом», и ему вновь стало не до коммунизма. В 1949 году испытали первую бомбу, следом вторую, третью и на XIX съезде партии вернулись к перспективам построения коммунизма. Снова создали комиссию, но она так и не приступила к работе. Сталин вскоре умер, и строительство коммунизма уже в который раз отложили до очередного XX съезда партии, а тот, в свою очередь, постановил «подготовить новую программу партии» к следующему, XXI съезду. Снова создали комиссию, теперь ее возглавил отец, раздали задания академикам, но серьезно за работу не принялись. В верхах разгорелись споры. Отец и Молотов не только на будущее, но и на настоящее смотрели уж очень по-разному. Молотов считал, что сооружена только основа, фундамент социализма, отец утверждал, что социализм подведен про крышу, в основном построен.

Академики смогли сориентироваться только в 1957 году, после ухода со сцены «антипартийной группы» молотовцев. Станислав Густавович Струмилин и Евгений Самсонович Варга, в те годы непререкаемые авторитеты в области экономики, в 1958 году выработали два основополагающих документа, озаглавленные: «Общий курс капитализма» и «На путях построения коммунизма». В них они предрекли наступление общества будущего, то есть коммунизма, уже через 10–15 лет, к 1964 году обещали обогнать США по общему объему промышленного выпуска, а к 1971 году и на душу населения. Эту программу авторы предлагали рассмотреть и утвердить на XXI съезде КПСС.

Прочитав труды академиков, отец остался неудовлетворенным: с одной стороны, конкретные сроки, а с другой – полная неопределенность, что и как к этим срокам следует сделать. Представлять «академические фантазии» съезду партии он не посчитал возможным. И предложил подвести под программу серьезный фундамент, досконально просчитать, что и сколько получит к моменту построения коммунизма каждый советский гражданин. «Коммунизм требует создания экономических предпосылок. Если попытаться установить коммунизм, пока не развиты производительные силы, получится не коммунизм, а нищета, – объясняет отец американскому издателю Г. Коулсу. – Коммунизм – это изобилие. Если объявить коммунизм, когда, скажем, имеются лишь одни штаны на десять человек, и разделить эти штаны поровну, то все они окажутся без штанов. Мы отрицаем такой “бесштаный” коммунизм». «Идею в суп не положишь», – повторяет отец при каждом удобном случае. Поручить же расчеты следует не безответственным академиком, с них взятки гладки, а солидным государственным органам.

19 июля 1958 года (об этом есть в архиве соответствующая запись) он указал своему заместителю по программной комиссии академику и одновременно заведующему Международным отделом ЦК Борису Николаевичу Пономареву на расплывчивость представленного документа и обозначил задачу: «программа должна стать ясным, четким, вдохновляющим документом, но в то же время реальной, жизненной, с широкой перспективой... не просто собранием хороших положений из Маркса и Ленина, а народ должен почувствовать, что каждый получит в результате ее выполнения». Эти высказывания приводит в своей книге «Коммунистические иллюзии Хрущева» кандидат исторических наук Николай Барсуков.⁶⁶

25 июля 1959 года Президиум ЦК расставляет акценты: теорией займутся академики, практические подсчеты – сколько, когда и где произведет наша промышленность и сельское хозяйство, должны предоставить Госплан и Госэкономкомиссия, с весны 1960 года их возглавляли не переносившие друг друга заместители отца В. Н. Новиков и А. Ф. Засядько. Несколько слов об этих руководителях.

Новиков Владимир Николаевич, в 1928 году начав работать техником по нормированию на оборонном заводе в Ижевске, к 1939 году дорастает до главного инженера предприятия, а с июля 1941 года становится заместителем наркома вооружений Дмитрия Устинова. С тех пор их судьбы неразрывны – оба талантливые, крепкие хозяйственники, сторонники жесткой централизации власти. В 1958 году он уже заместитель главы Правительства РСФСР, а с мая 1960 года – заместитель Председателя Совета Министров СССР и одновременно председатель Госплана СССР. К реформаторству Хрущева относился настороженно, его идеал – сталинская вертикаль управления промышленностью, но как человек дисциплинированный, свои обязанности выполнял беспрекословно.

Засядько Александр Федорович в молодые годы работал слесарем на Луганском вагоно-паровозостроительном заводе, затем на угольной шахте. С 1935 года, после окончания Донецкий горного института, инженер на угольных шахтах, а с 1939-го – заместитель начальника Главугля. В 1942 году – назначен заместителем наркома угольной промышленности, а в январе 1947-го уже министр. В марте 1958 года Засядько становится заместителем Председателя Совета Министров СССР и почти одновременно, с апреля 1960 года, – председателем Государственного научно-экономического совета СМ СССР. Человек энергичный, по натуре реформатор, постоянно ищет новые, более эффективные методы управления экономикой. Умеет и любит работать с учеными-новаторами. Твердо поддерживает линию Хрущева на децентрализацию промышленности и экономики в целом.

⁶⁶ Н. А. Барсуков, сотрудник Института марксизма-ленинизма, работал с архивом записей бесед Хрущева. С приходом к власти Ельцина институт распался и его архивы оказались бесхозными. Барсуков забрал их домой – похитил или, скорее, спас. Спустя некоторое время он занялся публикациями на хрущевскую тему.

14 декабря 1959 года Президиум ЦК обсуждает первые наброски проекта «Программы построения коммунизма». Тон задает отец.

– Это конкретная задача, за основу надо взять экономическую разработку развития страны на 15–20 лет и все как следует просчитать по пятилеткам, – говорит он. – В программе надо обратить внимание на электрификацию всей страны, этот ленинский завет мы еще не исполнили.

Необходимо идти этапами: сначала взять детей и стариков на государственное обеспечение, затем, через одну-две пятилетки, обеспечить практически бесплатное питание всего населения. В капиталистических странах есть рестораны, где, заплатив что-то, можешь затем кушать что тебе угодно. Почему же при коммунистическом обществе не устроить нечто похожее?

– И при коммунизме необходим порядок, иначе получится стадо людей, а не общество, – отец переходит к изложению своего понимания будущего коммунистического устройства. – Одновременно надо подумать о демократизации нашего строя. Возьмем, к примеру, руководство страны, Президиум ЦК. Мы не ограничены ни во времени, ни во власти. Нас выбрали, и мы самые гениальные? А за нами люди совершенно недостойные? Буржуазные конституции построены более демократично, чем наша, в США президенту больше двух сроков не отводится. У нас же смена лиц в высшем руководстве определяется естественной смертью. Только тогда на место выбывшего выбирают нового кандидата. Можем собраться в «артель», люди спаяются и сольются, как это произошло при Сталине. Это неправильно. Мы обязаны обеспечить постоянное обновление, к примеру на одну треть, состава Президиума ЦК после каждого съезда и далее вниз на всех уровнях, в том числе и депутатском. Если выбирать будут на один-два срока, исчезнет кастовость, уменьшится бюрократия. Вот, товарищи, мой вклад, – закончил свое выступление отец.

– Настолько хорошо сказано... – первым поспешил отреагировать Микоян. Его поддержал Аристов.

– До сих пор у нас господствовало абстрактное, схоластическое, начетническое суждение о программе, – внес свою лепту Сулов. – Без 15 – 20-летнего плана, без становой хребта она так и оставалась бы набором скучных рассуждений, а теперь... – тут Михаил Андреевич запутался и забормотал не очень внятно: – Такой становой хребет, все оттекает очень хорошо, и программа не будет абстрактным документом, а зовущим вперед и воплощающим в жизнь...

Настороженно озираясь, Сулов сел на место, но на его оплошность никто внимания не обратил.

Остальные присутствовавшие в зале один за другим поддержали отца, только Пономарев начал задавать вопросы: «Как дальше развивать сельское хозяйство: через коммуны или через укрепление колхозов и дальше, минуя коммуны, путем слияния с государственной собственностью в виде совхозов? Как определить нацию?»

Его вопросы пропустили мимо ушей, недоразумения поручили прояснить созданной на заседании комиссии во главе с Суловым. На все про все им ответили двадцать дней.

С 1960 года в новой редакции Программы, под приглядом отца, варили сборную солянку из «теоретических фантазий» суловско-пономаревских академиков и составлявшегося в Госплане «Генерального 20-летнего перспективного плана развития народного хозяйства СССР». Из этого-то плана, вернее из составленного на его базе «Доклада по общим экономическим проблемам и развитию экономической науки в генеральной перспективе» (ну и мудреное же название) и вырисовывается 1980 год как год построения чего-то такого, что назвали фундаментом коммунизма.

Как я уже писал, рост экономики не столько планировали, сколько прогнозировали независимо друг от друга Госплан Новикова и Госэкономсовет Засядько.

Госплан «осторожничал», предлагал записать на 1961–1970 годы ежегодный прирост промышленности 9,6 процента, а в целом на двадцатилетие 1961–1980 годы – 9,4 процента, или в четыре – четыре с половиной раза за весь период. В 1961–1980 годах намечалось построить 180 гидроэлектростанций, 200 ТЭЦ, 2 800 новых заводов, добыть 1 180 – 1 200 миллионов тонн угля, произвести 250 миллионов тонн стали, 125–135 миллионов тонн минеральных удобрений, 233–235 миллионов тонн цемента. Сельское хозяйство предполагалось приращивать в год на 5,7–6,5 процентов, к 1980 году увеличить производство зерна, мяса, молока и всего остального в три с половиной раза, производительность труда повысить в два с половиной раза. При этом перераспределялись приоритеты, резкий крен делался в сторону увеличения производства предметов потребления, так называемой группы «Б». К 1980 году она возрастала в 13 раз, тогда как группа «А», тяжелая промышленность, всего в 6 раз. Засядько предлагал «не скаредничать», ориентироваться на более высокие годовые приросты.

Как определили эти цифры? И Госплан, и Госэкономсовет экстраполировали прошлое в будущее. И те и другие предполагали, что, как и в предыдущие годы, американская промышленность будет возрастать не более, чем на 2,5–3 процента в год, а сельское хозяйство и того меньше: на 1,7–2 процента. При этом Госплан исходил из того, что в 1960 году промышленная продукция СССР достигала 60 процентов от американской, а сельскохозяйственная – 80 процентов.

Здесь, как и по другим экономическим показателям, разные экономисты приводят весьма разнящиеся цифры. К примеру, в 1987 году, по данным Госкомстата, соотношение национального дохода СССР и США, рассчитанное по официальному курсу валют, составляло 41 процент, а по покупательной способности – 67. По методике В. Д. Белкина – всего 20 процентов. Показатели валового национального продукта, включающего в себя не только промышленность с сельским хозяйством, но и сервис со всем остальным, Госкомстат в те годы не публиковал. По данным ЦРУ, в 1987 году ВВП СССР составлял 55 процентов от ВВП США, а тот же Белкин насчитал всего 14 процентов.⁶⁷ Кто прав, кто нет, судить не берусь, да и никто не возьмется.

Следуя той же логике наложения прошлого на будущее, они взяли за исходные цифры роста промышленности за десятилетие с 1951 по 1961 год – 11,8 процента, а сельского хозяйства за 1956–1960 годы – 6,2 процента. Из расчетов следовало, что американцев мы не только догоняем, а к 1980 году и перегоняем. По тем временам это утверждение совсем не отдавало фантазией. В прогнозе ЦРУ, составленном в конце 1950-х годов, делались аналогичные выводы. Напомню, американцы не исключали, что к исходу XX века советский национальный продукт в три раза превысит американский.

Но при чем тут коммунизм? В 1961 году коммунизм для всех, в том числе для отца, означал зажиточную жизнь. Жизнь лучше, чем у кого-либо в мире, в первую очередь лучше, чем в Америке, которая, следуя этой странной логике, уже тогда жила в коммунизме. Но я, кажется, зашел слишком далеко.

Данные Госплана и Госэкономсовета сводил воедино первый заместитель отца Косыгин, человек осторожный. Он встал на сторону Госплана. Отец присоединился к его мнению.

– Товарищ Засядько разослал материал, и вы все читали его, – обращается он к коллегам на заседании Президиума ЦК 17 июня 1961 года. – Он показывает, что у нас появятся лучшие возможности, чем уже записано в программе, и цифры следует скорректировать. Я внимательно прочел все, беседовал с товарищами. Мы согласились, что коррективы вносить не следует... К тому же надо иметь в виду, что это прогноз, а не конкретные планы.

⁶⁷ Подробнее см. *Белкин В. Д.* Тернистый путь экономиста. М.: Дело, 2003

В результате в Программу партии записали параметры, представленные Госпланом и подписанные Новиковым.

Таковы документально зафиксированные факты.

Но до нас доходят не только факты, но и эмоциональные отголоски давно забытых бюрократических баталий.

Засядько умер рано и мемуаров написать не успел. Другое дело Новиков, основной сочинитель экономического раздела Программы, а с 1980 года – пенсионер союзного значения. Он все знает, все помнит, но в своих воспоминаниях, задним числом, когда коммунизм так и не построили, все валит на давно покойного Засядько, а заодно и на Хрущева. «Готовил экономическую часть программы Госэкономсовет под руководством Засядько и его заместителя Н. А. Тихонова, – пишет Новиков. – Ее содержание: через двадцать лет у нас будет почти коммунизм! Чего там только не было написано... Собрался Совет Министров в полном составе. Пришел Никита Сергеевич. Не садясь за стол, положил руку на текст Программы и сказал: “Я внимательно все изучил. Предложения хорошие, их надо принимать. Мы заранее разослали текст членам Совета Министров, видимо, все ознакомились. Думаю, дискутировать нет смысла. Нет возражений?” Все молчат. Хрущев заключил: “Считаем принятым”. Как известно, экономическая часть этой Программы не была реализована».

Новиков осознанно вводит читателей в заблуждение: и Программу якобы не он писал, и не обсуждал он ее многократно и с Косыгиным, и с отцом, и замечания на нее не писали все кому не лень, всего в ЦК поступило 170 801 предложение, из них опубликовано в газетах 40 733, учли, конечно, далеко не все.

Так что сверстаный документ, читанный-перечитанный и в деталях обговоренный на Президиуме ЦК, возможно, и утвердили на Совмине формально. Но впечатление-то Новиков намеренно создает совсем иное.

Другой мемуарист, Федор Михайлович Бурлацкий, тоже наводит тень на плетень, но без какого-либо злого умысла, для красного словца. Вот как в его изложении появились в Программе партии цифры плана развития экономики на двадцать лет: «С этим предложением на одно из заседаний (рабочей редакционной группы) приехал крупный хозяйственник А. Ф. Засядько... Выкладки о темпах развития нашей экономики и экономики США фактически были взяты с потолка...»

С Бурлацкого, в общем-то, взятки гладки, он амбициозный, но всего лишь клерк из аппарата, даже не Пономарева, а другого, андроповского, департамента. В составлении плана развития он не участвовал, что-то где-то случайно прослышал, без начала и без конца. Как видно из цитаты, в памяти у Бурлацкого почти ничего содержательного не осталось. К сожалению, Бурлацкого цитируют в серьезных книгах и слова его принимают за истину: приехал какой-то Засядько, что-то наболтал, а члены рабочей группы всё записали в Программу партии. Легкость в мыслях необыкновенная!

У меня тоже остались воспоминания, связанные с подготовкой Программы, правда, только об одном, частном эпизоде.

Накануне Пленума ЦК прогнозисты-экономисты во главе с Косыгиным и Пономаревым воскресным солнечным июньским днем 1961 года на даче в Горках-9 не докладывали, а скорее, рассказывали отцу о своих наработках. Отец часто практиковал такие воскресные посиделки. На даче, под соснами можно всласть наговориться, пообсуждать без регламента, без телефонных звонков, без ожидающих в приемной посетителей. Все расселись в кружок в плетеных летних креслах, на травке, отец в легкой вышитой украинской рубашке, остальные кто в галстуках, кто без, но все без пиджаков, было жарко. Говорили по очереди, не вставая с места. Я пристроился позади группы, рядом с помощником отца Шуйским.

Услышанное произвело на меня двойственное впечатление: цифры, конечно, грандиозны, но это только цифры. А где же коммунизм? И где гарантия, что *мы* обставим американцев, а не они нас?

Тут объявили перекур, отец табачного дыма не переносил, и рядом с ним не курили, даже на свежем воздухе. Я увидел, что Пономарев стоит в отдалении один, решил порасспросить его поподробнее. Борис Николаевич объяснил, что экономика США себя исчерпала, кризис капитализма неотвратим, а мы продолжим движение вперед. Его слова меня не очень убедили, но тут всех позвали назад и что такое коммунизм, он мне рассказать не успел. И в то, что мы обгоним американцев, мне пришлось поверить секретарю ЦК и академику на слово. Я и поверил.

Но достаточно самооправданий и обращенных в прошлое обвинений. Обвинять, собственно, некого и не за что. Ведь речь шла, как мы знаем, даже не о плане, а плане-прогнозе. У прогнозистов же нет возможности заглянуть в будущее, они основываются на опыте прошлого и не в состоянии предвидеть ни грядущие технические, ни иные революции, ни кризисы, ни катаклизмы. Именно поэтому прогнозы редко сбываются. Вспомните наивные романы Жюль Верна, к слову, одного из лучших прогнозистов XIX века, или «провидческие» рассказы ведущих ученых того времени о том, что будет через двадцать-тридцать лет. Их впору помещать на странички юмора. А фантазии-предвидения Айзека Азимова и других пионеров компьютерной эры: гигантские, больше самого большого небоскреба, ламповые электронные мозги, перфокарты и перфоленты...

К чести отца скажу, что он старался, насколько это возможно, заглянуть за горизонт. К примеру, он настоял, я уже подробно писал об этом, на замораживании темпов прироста производства стали в пользу химии. Но это не предвидение, а трезвая оценка настоящего, уже начавшейся технической революции в конструкционных материалах. Отца вскоре «поправили», после 1964 года производство стали вновь стало приоритетным.

Так что не стоит обвинять в авантюризме, некомпетентности и других грехах ни Госплан, ни Госэкономсовет, составивших план-прогноз, а также Косыгина и отца, принявших на веру их заключения. Мы так же «некомпетентны» в своем будущем, как наши предшественники – в своем. И мы не знаем, что же на самом деле произойдет через двадцать-тридцать лет, как не знали они. Именно неведение стимулирует нас на свершения во имя будущего. Знай мы правду...

Вернусь к Программе. Каким же всем нам, в том числе и отцу, представлялся коммунизм?

В первую очередь – всеобщий достаток. Собственно, Программа строительства коммунизма – это очередная попытка одолеть нищету, обеспечить людям жизнь, достойную человека. Она выстраивается в один ряд с освоением целины, строительством дешевого и доступного жилья, но только теперь, за двадцатилетие, надеялся отец, удастся разрешить все оставшиеся проблемы разом.

Плюс – всеобщее равенство. Тут возникало противоречие с провозглашенным отцом принципом материальной заинтересованности, отвергавшим уравниловку, ставившим во главу угла принцип: работаешь лучше – живешь богаче. Не могу сказать, что отец не задумывался о противоречиях в самом подходе к коммунизму. Еще как задумывался. А вот ответы на свои вопросы находил далеко не всегда.

Одно из таких противоречий – роль и место государства в нашем будущем. Согласно теоретикам, и отец с ними полностью соглашался, по мере приближения к коммунизму государство как инструмент насилия обрекалось на отмирание, обществу предстояло брать на себя заботу о человеке, обо всех и каждом, от рождения до смерти, заботу о жилье, о пище, о бытовом обслуживании, о воспитании детей и содержании пенсионеров. Такое представление о будущем логично вытекало из настоящего. Уже в 1960 году государство платило пен-

сии и бесплатно лечило 20 миллионов пенсионеров, построило ясли для 6 миллионов малышей и пионерские лагеря для 6 миллионов школьников. В школах, техникумах, институтах и университетах училось 42 миллиона человек и не просто бесплатно, а большинству из них, примерно 36 миллионам, еще и стипендии платили. Все 62 миллиона трудящихся получали оплачиваемые не менее чем трехнедельные отпуска. Всех страждущих бесплатно лечили, как умели, два миллиона докторов, фельдшеров, медицинских сестер и нянечек. 3 миллиона человек бесплатно, или почти бесплатно, ездили отдыхать в санатории и дома отдыха. Но в экономике ничего не получается из ничего. На все эти «бесплатные» удовольствия уходила значительная доля государственных доходов. Считалось, что к 1980 году доходы советских людей на 75 процентов превзойдут доходы американцев в 1960 году, но деньги, в основном, пойдут в общий котел, «общественные фонды потребления в 1980 году составят примерно половину всей суммы доходов населения».

Почему сравнение делается с 1960 годом? Других цифр просто не существовало, в США прогноз развития экономики не производили, а наши экономисты, как я уже отметил, считали, что с 1960 года у них начался застой, расти они больше не в состоянии.

Согласно теории, с приближением к коммунизму роль государства возрастала, государственная собственность доминировала в экономике, но в то же время ему предписывалось отмереть. Противоречие, которое в практическом плане оказалось неразрешимым. Решение отложили до лучших времен.

Пока же из Программы убрали тезис «диктатуры пролетариата». Теоретики считали, что диктатура отомрет лишь вместе с самим государством. Отец с ними не согласился. Жизнь страны без правительства он себе не очень представлял, а вот без диктатуры, считал, можно обойтись. Государству предстояло стать общенародным, без подавления кого-либо кем-нибудь, и демократическим, когда свободные люди смогут выбирать правительство, какое захотят. Одновременно с отменой «диктатуры» отец вписал в Программу и требование преобразования советов всех уровней из декоративных во властные органы и наделяния их реальным правом принимать, а не просто штамповать законы, и главное, проверять их исполнение. К сожалению, до реального воплощения провозглашенных принципов отцу дожить не удалось.

По мере всенародного обсуждения Программы зуд к обобществлению всего в стране возрастал. Рядовые граждане требовали немедленно и кардинально «разобраться» с частной собственностью, не только передать обществу личные дома, дачи, машины, но и обобществить превышающие «допустимый» (и весьма скромный) уровень вклады в сберкассы, переселить людей из квартир в «комфортабельные» общежития, чтобы избавить их от «хлама» и вернуть им дух коллективизма.

И это еще не самые радикальные из идей идеалистов-экстремистов.

Отец всеобщего обобществления не одобрял, но тоже считал, что в будущем под дачи для всех земли не хватит. В результате был найден компромисс: вместо индивидуальных домиков предполагалось строить на природе многоэтажные кооперативные комплексы с квартирками, передаваемыми в собственность одной семье или нескольких поочередных владельцев – то, что теперь называют «тайм-шерринг».

Автомобилистов пока оставили в покое, хотя и отметили, что будущее за городским общественным транспортом, метро или троллейбусом, а если кому-то при коммунизме захочется прокатиться на машине, они смогут воспользоваться услугами проката.

Сдерживать приходилось не только и не столько рядовых «хлопотунов» о всеобщем будущем благоденствии, но и уважаемых ученых. Так, академики в своих наметках предлагали провозгласить «добровольность труда» при коммунизме.

Барсуков сохранил для нас некоторые из замечаний отца: «Представьте себе, что половина общества не захочет трудиться добровольно, – сомневался отец. – Формула добро-

вольности устарела. Может быть, классики, создавая теорию, чтобы привлечь внимание, и провозглашали: хочешь – работай, хочешь – не работай, а кушай, сколько влезет... Это неправильно. Нужно сказать “необходимый труд”». «Добровольность труда» из текста Программы исчезла.

А вот правка помельче. В пункте, обещавшем «увеличить оплачиваемые отпуска в ближайшие года с трех недель до месяца», отец «ближайшие года» вычеркивает, неизвестно, как еще дела сложатся.

В ответе на «предвидение» академиков, что «во втором десятилетии (то есть в 1970-е годы) жилье станет бесплатным», отец сомневается: «Может быть, в 1970 году у нас такой возможности не окажется. Надо как-то эластичнее сказать». Переписали эластичнее.

Не стану более утомлять примерами, их множество. Отец правил почти каждый абзац отредактированного в аппарате ЦК текста Программы.

Готовый проект Программы обкатали 17 июня 1961 года на заседании Президиума, затем на собравшемся 19 июня Пленуме ЦК, а в октябре, после окончательной доработки и полировки, за нее проголосовали делегаты XXII съезда коммунистов.

Съезд завершился на патетической ноте словами отца: «Наши цели ясны. Наши задачи определены. За работу, товарищи!» Присутствовавшие в зале долго аплодировали стоя. После съезда призыв растиражируют в миллионах плакатов.

Самые доступные из коммунистических новаций начали реализовываться уже в 1962 году: в столовых появились хлебницы с бесплатным хлебом: ешь сколько влезет. В городском транспорте, трамваях, троллейбусах и автобусах исчезли кондукторы, взимавшие плату за проезд: теперь сознательные пассажиры бросают монету в ящик, несознательные – едут так. Со временем число бесплатных услуг населению должно было увеличиваться.

При всех провалах, ошибках, издержках статистики записанные в Программе построения коммунизма абсолютные цифры объемов производства не так уж и отличаются от достигнутых советской экономикой к концу XX века. За два десятилетия 1961–1981 годов валовой объем промышленной продукции увеличился в четыре, а не в шесть раз, как записали в Программе. Производительность труда возросла не в 4–4,5 раза, а в 2,6 раза. Правда, сельское хозяйство увеличило объемы производства всего на 54 процента, а зерно на корм скоту пришлось закупать на нефтедоллары за границей. И это при том, что страна все эти годы стыла в застое, а расходы на вооруженные силы многократно выросли. Остается только гадать, что случилось бы, не остановись в 1964 году реформирование страны...

Массовое сознание не интересуется статистическими отчетами, оно руководствуется самоощущениями. А самоощущение по мере приближения к заветному 1980 году становилось все поганее, каждый следующий «застойный» год оказывался хуже предыдущего. Колбаса исчезла сначала в Поволжье, почему-то голод в России всегда начинается оттуда, потом из ближних и дальних пригородов «колбасные» электрички потянулись в пока еще благополучную Москву. Но и в Москве самые простые продукты стали переходить в разряд продаваемых только своим и только через черный ход. Тем временем Америка, Запад продолжали оставаться для советских людей источником самого дефицитного дефицита. Какой тут, к черту, коммунизм!..

Большинство людей до сих пор воспринимает коммунизм как Царство Божие на земле, что-то столь же прекрасное, сколь и недостижимое. Построить такой коммунизм не под силу никому, его можно только пообещать. Будь отец похитрее, поциничнее, записали бы в Программу неуклонный рост благосостояния без цифр, убрали бы сроки, а построение коммунистического «рая» и еще что-нибудь, столь же заумное, сколь и неопределенное, обозначили бы «в обозримом будущем» (кто знает, как далеко они зрят) – и все прошло бы гладко. Официальные лица при случае на собраниях поминали бы Программу, а рядовые граждане – одни бы верили, другие – не верили...

Со своей приверженностью к конкретике, цифрам и срокам отец, сам того не ведая, с Третьей программой партии попал в историю в прямом и переносном смысле. Кто только не потешается над его словами, что «уже нынешнее поколение будет жить при коммунизме». И поделом ему. Это все равно что если бы библейские пророки записали в своих скрижалях конкретные сроки Конца Света, Страшного суда и Второго пришествия. Хороши бы они были, когда время подошло бы. Отец оказался непредусмотрительным «пророком». За все несбывшиеся ожидания придется отвечать ему. Посмертно...